

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006

EDN RJLOLC

Оригинальное исследование

Политика памяти в контексте формирования российской идентичности новых регионов РФ

Рябинин Е.В.

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи,

Россия, 287524, г. Мариуполь, пр. Строителей, 129

E-mail: ryabinin.yevgeny@gmail.com

Аннотация. Проблема реализации политики памяти в новых субъектах РФ является одним из важных инструментов формирования и укрепления российской идентичности. С учетом реализации политики памяти новые регионы могут считаться флагманами продвижения российской идентичности на фоне европейских (в некоторых моментах и общемировых) трендов русофобии. В представленном исследовании фокус внимания автора направлен на те мероприятия, которые формируют, а в некоторых случаях и укрепляют российскую идентичность с учетом того, что подавляющее большинство жителей регионов и до вхождения в состав РФ 30 сентября 2022 года имели высокий уровень личной соотнесенности с Россией. Несмотря на многочисленность публикаций на данную тематику, практически отсутствуют системные исследования по данной проблематике. Целью исследования является анализ доминирующих тенденций реализации политики памяти в новых регионах РФ, а также выявление основных проблем и перспектив формирования российской идентичности населения новых субъектов. Автором рассмотрен кейс каждого нового субъекта, в результате чего доказано, что на реализацию политики памяти влияют такие факторы, как территориальная близость к России, длительность пребывания вне Украины, степень боевых действий в регионе. Важным результатом исследования стало выявление того фактора, что регионы, которые имеют единую с РФ границу, не отличаются от нее в плане исторической памяти, чем объясняется легкость интеграции ЛНР и ДНР в единое российское историческое и гуманистическое пространство. Автор приходит к выводу о необходимости реализации политики памяти, в которой присутствовала бы историческая преемственность.

Ключевые слова: политика памяти, идентичность, новые субъекты РФ, ЛНР, ДНР, Запорожская область, Херсонская область

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Рябинин Е.В. 2025. Политика памяти в контексте формирования российской идентичности новых регионов РФ. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 995–1006. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006. EDN: RJLOLC

Memory Policy in the Context of the Formation of Russian Identity in New Regions of the Russian Federation

Yevgeny V. Ryabinin

A.I. Kuindzhi Mariupol State University,
129 Stroiteley Ave., Mariupol 287524, Russia
E-mail: ryabinin.yevgeny@gmail.com

Abstract. The implementation of memory policy in the new constituent entities of the Russian Federation is a key tool for shaping and strengthening Russian identity. Taking into account the implementation of memory policy, the new regions can be considered as flagships for promoting Russian identity against the backdrop of European (and, in some cases, global) trends of Russophobia. This study focuses on the activities that shape and, in some cases, strengthen Russian identity, given that the overwhelming majority of residents of these regions, even before joining the Russian Federation on September 30, 2022, had a high level of personal ties with Russia. Despite numerous publications on this topic, systematic research on this issue is virtually nonexistent. The aim of this study is to analyze the dominant trends in the implementation of memory policy in the new regions of the Russian Federation, as well as to identify the main challenges and prospects for shaping Russian identity among the populations of the new constituent entities. The author examines the case of each new constituent entity, demonstrating that factors such as territorial proximity to Russia, length of stay outside of Ukraine, and the extent of military action in the region influence the implementation of memory policy. An important conclusion of the study was the discovery that regions sharing a common border with the Russian Federation are no different from it in terms of historical memory, which explains the ease with which the LPR and DPR can integrate into a single Russian historical and humanitarian space. The author concludes that it is necessary to implement a memory policy that ensures historical continuity.

Keywords: politics of memory, identity, new subjects of the Russian Federation, LPR, DPR, Zaporozhye region, Kherson region

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ryabinin Ye.V. 2025. Memory Policy in the Context of the Formation of Russian Identity in New Regions of the Russian Federation. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 995–1006 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006. EDN: RJLOLC

Введение

Вторая половина XX столетия определялась конфликтами, в основе которых лежали идеологические противоречия. Когда распался социалистический блок и подавляющая часть его стран-членов вошла в евроатлантическое сообщество либо выбрала путь на евроатлантическую интеграцию, практически весь мир избавился от потенциальных конфликтов, основанных на идеологии. Однако в это время на первый план выходят конфликты идентичности. Военные конфликты на территории бывшего СССР, Югославии, на африканском континенте, в азиатском регионе отличались высокой степенью ненависти к противнику, и сопровождалось это все ассоциативным рядом «мы – они», «мы – они – другие», «мы – они – другие – плохие», которые выстраивались определенными силами для разжигания конфликтов.

Существует несколько уровней идентичности, которую можно рассматривать через призму географии, истории, культуры, спорта и т. д. В данном случае идентичность заставляет индивида формировать, а затем защищать свое «Я», соотносить себя с определенным сообществом. Идентичность может быть перманентным и переменным фактором в восприятии окружающего мира в зависимости от такого фактора, как получаемая выгода при изменении своей идентичности. В социальном смысле «идентичность» выглядит как наиболее значимые политические, культурные, религиозные и другие ориентации, которыми детерминирована сеть связей человека с группами, институтами, идеями.

Идентичность, влияющая на поведение человека, может привести к конфликтной ситуации, когда группа людей с определенной идентичностью вступает в конфликт с другой группой людей, имеющей другую идентичность, и эти две идентичности при определенных обстоятельствах являются взаимоисключающими, что приводит к насилию и перерастает в межэтнический конфликт. Подавляющее большинство конфликтов, которые мы наблюдали после крушения социалистического блока, имели в своей основе конфликт идентичностей, когда группа людей с одной идентичностью не желала подчиняться группе людей с иной идентичностью, считая, что последняя может стать причиной ее культурной, а иногда и физической смерти.

Наиболее распространенной и достаточно стабильной для личности является этническая идентичность, базирующаяся на чертах, присущих определенному этносу: общность происхождения, языка, культуры, религии, бытовых обычаяев, исторической памяти, судьбы. Все эти составляющие красной нитью проходят в конфликте на Донбассе (который представители украинского националистического режима объявили антитеррористической операцией, хотя конфликт имеет все основания называться гражданской войной с элементами межэтнического и межконфессионального конфликта).

Этническая идентичность берет свои корни в желании человека к самоуважению, принадлежности и реализуется посредством осознания себя как части группы, отличающейся от другой. Индивидуумы рассматривают все черты своей группы как наиболее предпочтительные по сравнению с другой. Ключевая причина, почему люди идентифицируют себя с этнической группой, даже будучи готовыми убивать или быть убитыми, – то, что они связаны глубокими чувствами с народом, вещами, стимулирующими потребности в самоуважении, принадлежности. Когда одной группе угрожают, отдельно взятое лицо, принадлежащее к этой группе, также ощущает угрозу. Этничность, таким образом, имеет тенденцию генерировать межгрупповое насилие, сепаратизм, национальную мобилизацию, голосование по этническому признаку. У каждого индивидуума есть стремление «найти» свою личную идентичность, которая может быть большой ценностью [Hale, 2008].

Один из выдающихся исследователей проблем межэтнических конфликтов Тед Гарр считает, что народы имеют большой набор признаков для коллективной идентичности, среди которых можно отметить общую историю, мифы, религиозные верования, язык [Gurr, 1993]. Все эти элементы являются набором идентификации группы – это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты. И в данном контексте важнее даже не то, как группа воспринимает себя, а как эту группу воспринимают другие группы. В данном аспекте происходит процесс «демонизации» группы, которая отличается от остального массива населения региона/государства. Именно набор отличительных факторов позволяет при необходимости настроить все население государства против группы людей конкретного региона либо же наоборот. Макс Вебер отмечал, что группа людей, которая проживает на определенной территории и имеет набор таких факторов, как общая культура, язык, религия, пережитые исторические события, приобретает черты народа, хотя в полном смысле этого слова народом не является [Кара-Мурза, Куропаткина, 2014]. С этим мы сталкиваемся в ситуации с Донбассом, когда в СМИ и в интервью политиков можно услышать о народе Донбасса, хотя как такового народа Донбасса не существует, но есть группа населения, разделяющая общие признаки.

Проблема идентичности заключается в том, что она имеет свойство трансформироваться, поэтому то, что определяло группу людей на конкретной территории, через несколько поколений может являться либо неважным, либо даже чуждым. Эту ситуацию мы могли наблюдать на Украине в целом и в отдельных регионах, когда понадобилось всего лишь два десятилетия, чтобы кардинально изменить набор ценностей населения государства. Для предотвращения подобной ситуации единственным инструментом может являться политика памяти, которая может использоваться двояко – с одной стороны, поддерживать группу людей определенного региона или даже всей страны в рамках одной исторической канвы для создания и поддержания исторических скрепов, с другой – может использоваться

для влияния на население региона либо всего государства для принятия абсолютно противоположных установок [Gurr, 1993].

Русофобский подтекст политики памяти не сработал на территории юго-восточной Украины, что объясняется географической близостью к России региона, влиянием старшего поколения на формирование и реализацию политики памяти, которая по своему направлению была ближе к российской, нежели европейской.

Одним из инструментов формирования и укрепления идентичности может являться политика памяти, которая в определенных случаях еще больше усиливает фактор принадлежности личности к той или иной группе либо меняет его установки, которые могут быть противоположными предыдущим и даже враждебными. Данную ситуацию мы можем наблюдать на примере сербов во время исламизации и окатоличивания, что привело к серьезным гражданским конфликтам в XX веке.

Таким образом, вопросы, связанные с проблемой формирования политики памяти в условиях трансформации системы международных отношений, а также попыток усилить влияние русофобии не только за рубежом, но и внутри государства, становятся важными для изучения в научном плане.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются инструменты политики памяти, которые используются в новых субъектах Российской Федерации для укрепления российской идентичности местного населения: образование, памятники, муралы, топонимика, кинематограф. Данный аспект важен, поскольку на протяжении более тридцати лет Украина реализовывала русофобскую политику памяти, что негативно отобразилось на отношении населения государства к России. Однако территориальная и цивилизационная близость новых регионов не позволили полностью переформатировать отношение местного населения к историческим событиям единого культурного пространства.

Цель исследования – на основе анализа выявить доминирующие тенденции реализации политики памяти в новых регионах РФ, а также выявить основные проблемы и перспективы формирования российской идентичности населения новых субъектов.

Подходы и методы исследования: принимая во внимание сформулированные концепты, необходимо исследование основных направлений и инструментов реализации политики памяти в новых регионах РФ посредством междисциплинарного подхода. Были изучены нормативно-правовые документы для выявления методов реализации политики памяти в новых регионах как составе РФ, так и на Украине; компаративистский метод использовался для сравнения подходов и инструментов реализации политики памяти в новых субъектах РФ; исторический – для анализа политики памяти в новых субъектах через историческую призму. Комбинация этих методов позволяет понять, насколько глубоко было влияние украинского варианта политики памяти и каких элементов политики памяти сегодня не хватает для осуществления комплексного подхода в построении максимально пророссийски настроенного населения новых регионов, часть которого все еще ассоциирует себя с Украиной.

Результаты и их обсуждение

Проблеме политики памяти уделяется сегодня достаточно много внимания. Среди российских ученых, которые занимаются этим вопросом, следует отметить А.И. Миллера, Д.В. Ефременко, К.А. Пахалюка, И.И. Курилла, О.Ю. Малинову, Г.А. Бордюгова. Мнения экспертов по вопросам исторической памяти в некоторых случаях разнятся, что делает данный вопрос достаточно дискуссионным.

Еще в начале 2010-х годов российские эксперты выражали мнение, что страны постсоветского пространства не откажутся от исторической памяти и политики памяти [Бордюгов, 2011]. Однако необходимо заметить, что в подавляющем большинстве стран

постсоветского пространства политика памяти сегодня является очень важным политическим инструментом в контексте не только формирования коллективной памяти и объединения народа вокруг определенных событий прошлого, но и мощным орудием для формирования геополитических предпочтений. В постсоветских республиках политика памяти имеет антисоветскую направленность, в некоторых случаях переходящую в агрессивную русофобскую, как, например, в странах Прибалтики, на Украине, в Молдове. В странах Центральной Азии антисоветская политика памяти не имеет такого ярко выраженного проявления по сравнению с вышеперечисленными республиками бывшего СССР. Однако в последнее время, например, в Казахстане начали серьезно обсуждать тему голода в 1920–30-х годах, было снято несколько фильмов, в частности, казахский политолог Досым Сатпаев представил документальный фильм «Откочевники мертвой степи», Жанболат Мамай снял фильм «Зулмат. Геноцид в Казахстане», среди художественных лент стоит отметить «Плач великой стены», которую выдвигали на Оскар, и «Беги», «Время смерти». Фильмы рассказывают о серьезной трагедии, которая коснулась казахского народа, однако от ошибок колLECTIVизации страдало также население РСФСР. Тема голода 1930-х годов особо активно использовалась на Украине до начала СВО и была одним из инструментов усиления антисоветских и, как результат, русофобских настроений в государстве. Тема ошибок советской власти во внутренней политике, которые привели к трагедиям в Казахстане и УССР, используется, прежде всего, западными кураторами в контексте гибридной войны, которая долгое время ведется против России, и информационная война является важным инструментом для выведения стран-сателлитов России из ее зоны влияния. Данная политика оказалась успешной в контексте создания конфликтной ситуации между двумя родственными народами России и Украины.

Чем объясняется антисоветский и, как результат, антироссийский нарратив исторической памяти в странах постсоветского пространства? После распада Советского Союза все бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью формирования новых национально-государственных идентичностей, поскольку на тот момент стоял остро вопрос, смогут ли новые государства сохраниться в тех границах, в которых они появились в 1991 году. И основную роль играла не только экономика, но и гуманитарная политика, задачей которой было формирование единого общества, единой политической нации в условиях продолжающихся процессов децентрализации, в некоторых случаях откровенного сепаратизма. По мнению Д. Белла, индивид будет отождествлять себя с другой группой людей только в условиях применения по отношению к нему определенного исторического нарратива [Bell, 2003]. В подавляющем большинстве руководство постсоветских республик не смогло найти объединяющих факторов для цементирования политической нации по причине гетерогенного состава населения. Во многих республиках русское население представляло весомый процент, оно стремилось либо к тесному сотрудничеству с Россией, либо выступало за интеграционные проекты в рамках бывшего постсоветского пространства. Для того чтобы отойти от пророссийского вектора, руководству республик необходимо было завершить распад СССР, но уже на ментальном уровне, чему мог способствовать только антисоветский вектор. Побочным эффектом антисоветского вектора стал и антироссийский вектор, поскольку в подавляющем большинстве в рамках политики памяти негативные события в истории СССР автоматически перекладывались на современную Россию.

Обращаясь к прошлому в своей риторике, политики и историки решают конкретные задачи – стремятся легитимизировать или делигитимизировать существующий порядок, оправдать или подвергнуть критике принимаемые решения, мобилизовать поддержку, стимулировать солидарность сообщества, создать образ «врага». Соответствующие эффекты достигаются за счет использования фреймов – устойчивых когнитивных структур, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая смысловые рамки для ее презентации и понимания [Малинова, 2015].

Если историческая память обычно подразумевает под собой обращение к единичным историческим фактам и способам их современной репрезентации, то социальная память в первую

очередь осмысляется как универсальный феномен конструирования прошлого в современных социально-политических интересах. Платон в своей работе отмечал два фактора, которые связывают с памятью, – забывание и ложное воспоминание. В современных реалиях, по мнению автора статьи, следует отметить еще и третий фактор – навязывание определенного конструкта памяти. Данный подход активно использовался на Украине, начиная с прихода к власти В. Ющенко. Так, в Законе «Про Голодомор 1932–1933 годов на Украине» от 2006 года в статье 2 отмечается, что «Публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине является глумлением над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства украинского народа и является противоправным» [Закон України «Про голодомор», 2006]. Таким образом, на Украине применялся подход насильтственного формирования общественного мнения, что стало первым этапом формирования антидемократического режима в современном его проявлении.

Дж. Верч отмечает, что под коллективной памятью понимается память, которая обуславливается различными повествованиями, прежде всего историками. Соответствующие тексты рассматриваются как культурные инструменты, способствующие коллективному запоминанию. При этом определенные свойства нарративов специфически воздействуют на формирование коллективного запоминания [Карагезов, 2005].

Политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т. е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью. Нередко утверждают, что коллективная память оперирует мифами – упрощенными и эмоционально окрашенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия простым схемам и воспринимаются членами группы как нечто «очевидное» [Сыров, 2019].

Но, если принять во внимание факт, что политика работает с прошлым, из этого следует, что делает это она для влияния на будущее через формирование отношения к прошлому сегодня. Таким образом, можно прийти к выводу, что политика памяти – это, прежде всего, конструкт, навязываемый обществу государством для достижения определенного результата. В подавляющем большинстве результатом является формирование единого мнения членов общества по тому или иному историческому событию, что позволяет государству достичь максимального объединения общества по тому или иному событию в прошлом.

После государственного переворота на Украине новая власть начала еще больше формировать негативное отношение как к советскому прошлому, так и к российскому настоящему, дабы сформировать критическую массу населения, которая будет радикально негативно относиться к русскому миру, в концепт которого входил и Донбасс.

В 2014 году Украина осознала потерю Крыма и Донбасса, однако не оставляла намерений вернуть хотя бы Донбасс. Для этого руководство страны продолжило тотальную украинизацию, которая уже перешла открыто в неонацизм. Первым, что сделала Верховная Рада после переворота, стало лишение 23 февраля русского языка статуса регионального. В 2014 году принимается «Закон об очищении власти» [Закон України «Про люстрацію», 2014], согласно которому нельзя было занимать руководящие посты бывшим сотрудникам Служб безопасности СССР, в 2017 году принимается «Закон об образовании» [Закон України «Про освіту», 2017], запрещающий использовать русский язык в системе образования, в 2018 году создается русофобский проект уже в религиозной сфере – единая автокефальная Православная церковь Украины. В апреле 2019 года Верховная Рада принимает закон об «Обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [Закон України «Про забезпечення...», 2019], который ущемлял права русскоязычного населения Украины, поскольку русский язык не мог использоваться в сфере образования. За нарушение новых правил работники образования облагались штрафом до 700 необлагаемых налогами минимумов доходов граждан.

Особое внимание было уделено изменению смысла праздника Победы 9 мая. Осознавая факт своей непопулярности на Юго-Востоке Украины и не желая проводить слишком радикальные перемены в гуманитарной политике, В. Ющенко сделал попытку примирения ветеранов ВОВ и коллаборационистов ОУН-УПА. Данная инициатива не нашла отклика ни среди ветеранов ВОВ, ни среди обычного населения юго-восточных регионов. Эту идею уже внедряли также и в сфере культуры – многие украинские театры представляли зрителям спектакли, в которых основной идеей являлось примирение ветеранов ВОВ и УПА.

Начиная с 2014 года, когда к власти пришла откровенно русофобская политическая сила, Украина синхронизировала празднование победы над нацизмом вместе с Европой, и отмечался этот праздник не 9, а 8 мая как «День памяти и примирения» под лозунгом «Никогда снова». Учитывая, что новое руководство Украины было сторонником неонацизма и последователями фашистов из УПА, они не могли праздновать именно День Победы, поэтому 8 мая трактовалось как день памяти погибших во Второй мировой войне, что можно рассматривать как праздник проигравшей стороны. Именно в этом аспекте новая власть пыталась навязать русскому и русскоязычному населению комплекс вины за события Великой Отечественной войны, представляя ход войны как негативный с точки зрения якобы неправильного подхода к ведению боевых действий и использования войск.

В сфере образования и СМИ термин «Великая Отечественная война» сначала рекомендовали заменять на «Вторая мировая война», впоследствии он был полностью запрещен к употреблению при публикации статей ученых и в СМИ. Чаще всего в СМИ прибегали к употреблению термина «Война между СССР и Германией». Таким образом, у подрастающего поколения стирался фактор восприятия Победы как положительного образа и навязывался процесс оторванности от празднования Дня Победы совместно с Россией.

Тема войны в целом широко используется не только на Украине, но и во всех республиках бывшего СССР. Это делается для того, чтобы легитимизировать основную идеологию и выстроить нужную для руководства страны государственную/национальную, этническую идентичность. Как раз проведение коммеморативных мероприятий является одним из важных и действенных инструментов, во время которых обществу через использование когнитивных методик навязывается определенная модель отношения к событиям. В зависимости от цели отношение может быть негативным либо позитивным, может нести факт выражения благодарности погибшим воинам либо создание их негативного имиджа. Проведение ежегодных коммеморативных мероприятий, а также постоянная подача нужной информации в СМИ, образовании, кинематографе формирует и закрепляет необходимый концепт отношений к событиям.

Подтверждение этой идеи мы находим в высказывании А. Рупперта и В. Бребека, которые анализировали работы антифашистских мемориалов, основой которых они считали триаду «информация – память – предостережение», что означает помнить о мертвых, анализировать общественные условия, которые привели к их гибели, осудить палачей [Борозняк, 2014].

Одновременно с формированием политики памяти на Украине формировалась политика памяти и в новых регионах РФ, которые на тот момент были непризнанными территориями. Здесь необходимо отметить несколько особенностей. Во-первых, формирование и реализация политики памяти шло неравномерно, и зависело это от хронологических рамок освобождения территорий. ЛНР и ДНР, которые объявили о своей независимости в 2014 году, начали формировать политику памяти намного раньше территорий, освобожденных и присоединившихся в 2022 году. Вторым фактором следует отметить то, что особых усилий руководству страны не нужно было прилагать для смены исторической памяти в новых субъектах, поскольку культурно, цивилизационно, geopolитически, ментально они находились в цивилизационном поле России, а следовательно, не было необходимости менять концепт исторической памяти. Третьим фактором необходимо отметить интенсивность боевых действий – чем интенсивнее они были, тем быстрее воспринималась и утверждалась новая историческая память. Интенсивные боевые действия в Мариуполе, постоянные обстрелы

приграничных районов ДНР и ЛНР, что повлекло за собой огромное количество жертв, стали теми факторами, когда украинская историческая память не могла функционировать на новых территориях. В районах, которых обстрелы и боевые действия практически не коснулись (например, г. Бердянск, Запорожская область), наблюдается некая ностальгия по пребыванию в составе Украины, а также частые террористические акты со стороны местных жителей в возрасте до 20 лет. Также фактор интенсивности боевых действий влияет на возможность реализации мероприятий в рамках политики памяти – районы Херсонской и Запорожской области, ДНР, которые находятся на линии соприкосновения или в серой зоне, лишены возможности планомерно и всеобъемлюще реализовывать мероприятия политики памяти.

Рассмотрим основные направления политики памяти в новых субъектах РФ:

- 1) ЛНР и ДНР как первые регионы, вышедшие из состава Украины;
- 2) Мариуполь – крупный город, который был в составе Донецкой области, но до 2022 года оставался в составе Украины;
- 3) Запорожская и Херсонская область.

Первым направлением можно считать отображение исторической памяти в памятниках, скульптурах, мемориальных досках, музеях и т. д.

В ДНР 20 мая 2025 года был принят Закон «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных дат в Донецкой Народной Республике» [Закон «Об увековечении памяти...», 2025]. Этот закон регулирует деятельность относительно сохранения памяти важных исторических событий, а также личностей, которые внесли огромный вклад в развитие территории Донбасса в разные исторические эпохи.

В условиях украинской агрессии и переписывания истории в период с 1991 по 2014 годы на первый план в республиках выходит деятельность по сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны и событиях СВО. Если памятники событиям и личностям, которые принимали участие в ВОВ, были установлены еще во времена Советского Союза и особой необходимости в установке новых нет, события после 2014 года как новый этап развития региона стимулировали их отображение в памятниках и стелах. Так, в Луганске установлены памятники «Они отстояли Родину» (посвященный добровольцам, участникам войны в Новороссии), «Мемориал десантникам» в виде БМД-1, которая принимала активное участие в защите ЛНР, «Памятник российским добровольцам», которые сражались в ЛНР, «Памятник, погибшим от авиаудара 2 июня 2014 года», «Памятный знак погибшим детям Луганщины», «Памятник погибшим журналистам И. Корнелюку и А. Волошину». Также в городе есть большое количество памятников и мемориалов, которые отражают события гражданской войны. Луганск – один из немногих городов, в котором большевики пришли к власти практически мирным путем. Однако, учитывая советский период, вышеупомянутые памятники носят односторонний характер в описании событий того времени.

Если говорить о Донецке, здесь также в последнее время превалирует тематика СВО – «Аллея героев ДНР», памятные знаки в честь погибших бойцов СВО, «Аллея ангелов», посвященная погибшим детям ДНР, большое количество памятных плит, которые помогают сохранить память о событиях практически в момент их свершений.

Политика памяти в Мариуполе в новых реалиях стала формироваться только после его освобождения. Официально город был освобожден 20 мая 2022 года, но уже 9 мая в условиях военных действий был проведен парад Победы, который посетило большое количество как местных жителей, так и политиков, военных, волонтеров, актеров из разных регионов России. Данное мероприятие вновь было востребовано после десятилетия забвения, когда вместо парада Победы ежегодно 13 июня по центральной улице проводилось шествие неонацистского полка «Азов» (признана террористической и запрещена в России).

В Мариуполе достаточно памятников воинам-освободителям, улицы также носят фамилии определенных воинских формирований, которые освобождали город или названы в честь отдельных героев. Данный исторический период в должной мере отражен в топонимике города.

В июле 2022 между руководством Санкт-Петербурга и Мариуполя было подписано соглашение о побратимстве, одним из результатов которого стало установление памятника Александру Невскому, что сразу же привлекло внимание молодого поколения к этой личности. В городе был построен также Храм Александра Невского еще в 2016 году, однако из-за низкого уровня религиозности молодого поколения этот факт мог и не привлечь их внимание.

Современным направлением в контексте политики памяти является нанесение муралов на фасадах зданий. Так, на одном из домов Мариуполя можно увидеть мурал с изображением Героя России Алексея Афанасьева, который принимал непосредственное участие в боях за Мариуполь против неонацистских формирований.

В контексте привлечения внимания горожан к событиям русской весны является размещение постоянных выставок фотографий в разных точках города, на которых запечатлены последствия боевых действий весной 2022 года. Размещение выставок в разных районах города можно считать правильным подходом, поскольку такой метод привлечения внимания является хоть и пассивным, но охватывает большее количество людей, нежели специализированные выставочные залы и галереи.

В городе также ведется планомерная политика памяти относительно двух известных мариупольцев – А.И. Куинджи и А.А. Жданова. В центре города можно увидеть памятник А.И. Куинджи, а также экспозицию его картин, в городе функционирует Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, художественная школа имени Куинджи, улица Куинджи. Однако следует отметить, что до 2022 года такое внимание его личности не уделялось. Также в феврале 2025 года открылся дом-музей А.А. Жданова. 9 мая 2025 года открыт памятник «Мариуполь – город воинской славы», на барельефе которого изображены разные исторические вещи города.

Таким образом, следует отметить, что в концепте исторической памяти жителей г. Мариуполя превалирует тема Великой Отечественной войны и СВО.

Если говорить о памятниках времен Украины в Мариуполе, следует отметить, что в городе был памятник «Жертвам голодомора 1932–1933 годов и политических репрессий», который был демонтирован, так же как и в Луганске стела «Памяти жертв политических репрессий», поскольку в этих памятниках усматривалось прямое обвинение России. Что касается памятников, которые отображают переселение народов (сербов в Славяносербск и греков в Мариуполь), они вызывают исторический и научный интерес, что выражается в налаживании культурных горизонтальных связей с регионами Сербии и Греции.

Что касается Херсонской и Запорожской областей, здесь ситуация осложняется тем фактом, что территории областей находятся на линии соприкосновения или в серой зоне, что означает невозможность осуществлять политику памяти по причине близости боевых действий. Единственным исключением могут являться г. Бердянск и г. Мелитополь Запорожской области, которые находятся вдали от боевых действий. В г. Мелитополе были установлены памятники Александру Невскому, Иосифу Сталину, Павлу Судоплатову, в г. Токмак – «Крест Победы». В Бердянске еще в 2022 году установлен памятник солдатам и офицерам Русской Императорской армии. Также в Запорожской области открыт памятник солдатам-участникам СВО.

Вторым инструментом реализации правильной политики памяти является образование, причем все его уровни – дошкольное, среднее и высшее. В учебных заведениях кардинально поменялась атмосфера политики памяти – если при Украине в ней превалировала негативная составляющая (темы голодомора, советская «оккупация», «угнетение» украинского народа), то на сегодняшний день политика памяти направлена на меморизацию достижений, побед и успехов российского государства в различных сферах жизнедеятельности. Именно это направление позволяет подрастающему поколению чувствовать гордость за принадлежность к российскому народу. Также в сфере образования преподаются предметы по российским программам, что позволяет формировать историческую память согласно реалистичности произошедших событий в прошлом без русофобской интерпретации, что можно было наблюдать с 1991 года.

Третьим направлением считается кинематографическая и книгоиздательская деятельность – был принят Закон «О кинематографии» [Закон України «Про кінематографію», 2017], который запрещал трансляцию российских фильмов. Фильмы, которые были произведены Украиной, носили исключительно русофобский характер. Это же коснулось и книгоиздательской деятельности. Продажа российской печатной продукции на Украине после 2014 года была запрещена, что стало негативным фактором в контексте доступа русскоязычного населения к достоверной информации. Если доступ к российским фильмам оставался благодаря сети Интернет, то население Украины было полностью лишено доступа к печатной продукции, которая выкладывалась в сети Интернет через несколько лет по коммерческим соображениям издательств.

Главным инструментом в продвижении русофобской повестки дня являлся Институт национальной памяти (Положение «Про украинский институт национальной памяти» от 12.11.2014 [24]), который участвовал в подготовке к принятию таких документов, как Закон Украины «Проувековечение победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945» [Закон України «Про увічнення перемоги...», 2015], Закон Украины «Про осуждение коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» от 09.04.2015 [Закон України «Про засудження...», 2015], Закон Украины «Про правовой статус и чествование борцов за независимость Украины в 20 столетии» [Закон України «Про правовий...», 2015], Закон Украины «Про внесение изменений в Кодекс Украины об административных правонарушениях относительно запрета производства и пропаганды георгиевской ленточки» от 16.05.2017 [Кодекс про адміністративні..., 2017]. Все эти законы были направлены на притеснение русского и русскоязычного населения в контексте культурного, а затем и физического геноцида.

Заключение

Проведенное исследование инструментов реализации политики памяти в новых субъектах РФ демонстрирует значимость данного рода политики в контексте формирования единой российской идентичности на новых территориях.

На взгляд автора, в регионах отсутствует историческая преемственность, в этом контексте необходимо следовать примеру крупных южных российских городов, среди которых может быть Ростов-на-Дону, в котором можно найти памятники и воинам Отечественной войны 1812 года, участникам Первой мировой, Великой Отечественной войны, а также уже памятники участникам СВО. Таким образом, складывается целостная картина из основных исторических событий, которые происходили не только на территории города либо региона, но и отобразились на развитии государства, к которому принадлежит этот город. Например, это было бы актуально для Луганска, литейный завод которого отливал пушки для русской армии в 1812 году, а Луганский патронный завод производил до 1 миллиона патронов в день во время Первой мировой.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в современных условиях отмены русской культуры, общемировой русофобии, а также переписывания истории политика памяти реализуется политическими силами для достижения вышеуказанных целей. Эта тенденция может влиять и на процесс формирования и закрепления идентичности новых субъектов РФ, которые должны стать флагманами продвижения российской идентичности.

Сегодня, когда ведется активная фаза когнитивной войны за умы новых российских регионов, необходимо разрабатывать и реализовывать программы, направленные на усиление осведомленности местного населения относительно истории своего города, региона и страны в целом, чтобы избавиться как можно быстрее от фальшивой украинской истории, которая навязывалась молодому поколению через образование, топонимику и средства массовой информации. В связи с этим есть необходимость разработки концепции политики памяти, которая реализовывалась бы стратегически и планомерно с учетом особенностей данных субъектов.

Список источников

- Закон «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных дат в Донецкой Народной Республике» [Электронный ресурс]. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliko-ob-uvekovechenii-pamyati-vydayushhihsya-deyatelej-zasluzhennyh-lits-istoricheskikh-sobytiij-i-pamyatnyh-dat-v-donetskoj-narodnoj-respublike/>
- Закон України «Про голодомор» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/376-16#Text>
- Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної» [Электронный ресурс]. URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2025-06/Закон%20№%202704-VIII%20від%2025.04.2019%20-%20d484006-20241115.pdf>
- Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» [Электронный ресурс]. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T150317>
- Закон України «Про кінематографію» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20180922045434/http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/9/98-вр>
- Закон України «Про листрацію» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_України_от_16.09.2014_№_1682-VII
- Закон України «Про освіту» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text>
- Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України в ХХ столітті» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text>
- Закон України «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text>
- Кодекс про адміністративні правопорушення [Электронный ресурс]. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/KD0005>

Список литературы

- Бордюгов Г.А. 2011. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. Москва, АИРО-XXI, 256 с. ISBN: 978-5-91022-158-5
- Борозняк А.И. 2014. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. Москва, Политическая энциклопедия, 351 с. ISBN 978-5-8243-1926-2
- Карагезов Р.Г. 2005. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа. Центральная Азия и Кавказ. 6(42). С. 57–69.
- Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. 2014. Нацестроительство в современной России. Москва, Алгоритм: Научный эксперт, 408 с. ISBN: 978-5-91290-217-8
- Малинова О.Ю. 2015. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва, Политическая энциклопедия, 207 с. ISBN 978-5-8243-1952-1
- Сыров В.Н., Головашина О.В. 2019. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 224 с. ISBN: 9785946216753
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, No 1. P. 63–81. doi: 10.1080/0007131032000045905 [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12745819/> (дата обращения: 04.09.2025).
- Gurr Ted R. 1993. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, 427 p. ISBN 1-878379-25-9
- Hale H. 2008. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press, 304 p. ISBN-13 978-0-521-89494-4
- Ljubojevic A. 2021. Changing Memoryscapes in Post-Yugoslav Countries: Social (Re)construction of Places of Memory. Contemporary Southeastern Europe, 8: 370–375. doi: 10.25364/02.8:2021.2.2 [Electronic resource]. URL: <https://contemporarysee.org/changing-memoryscapes-in-post-yugoslav-countries-social-reconstruction-of-places-of-memory>

References

- Bordugov G.A. 2011. «Vojny pamyati» na postsovetskom prostranstve [«Memory Wars» on Post-Soviet Space Countries]. Moscow, AIRO-XXI, 256 p. ISBN: 978-5-91022-158-5
- Boroznyak A.I. 2014. Zhestokaya pamyat'. Nacistskij rejh v vospriyatiu nemcev vtoroj poloviny XX i nachala XXI veka [Cruel Memory. The Nazi Reich as Perceived by Germans in the Second Half of the Twentieth and Early Twenty-first Centuries]. Moscow, Political Encyclopedia, 351 p. ISBN 978-5-8243-1926-2
- Karagezov R.G. 2005. Kollektivnaya pamyat' i «politika pamyati» v stranah Central'nogo Kavkaza [Collective Memory and Memory Politics in the Northern Caucasus States. Central Asia and Caucasus]. 6(42). S. 57–69.
- Kara-Murza S.G., Kuropatkina O.V. 2014. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii [Nation-Building Process in Modern Russia]. Moscow, Algorithm: Scientific Expert, 408 p. ISBN: 978-5-91290-217-8
- Malinova O.Yu. 2015. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmы rossijskoj identichnosti [Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemma of Russian Identity]. Moscow, Political encyclopedia, 207 p. ISBN 978-5-8243-1952-1
- Syrov V.N., Golovashina O.V. 2019. Konceptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnacional'noj identichnosti [Conceptual Basis of Memory Policy and Perspectives of Postnational Identity]. Tomsk, Publishing house of Tomsk state university, 224 p. ISBN: 9785946216753
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, No 1. P. 63–81. doi: 10.1080/0007131032000045905 [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12745819/> (дата обращения: 04.09.2025).
- Gurr Ted R. 1993. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, 427 p. ISBN 1-878379-25-9
- Hale H. 2008. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press, 304 p. ISBN-13 978-0-521-89494-4
- Ljubojevic A. 2021. Changing Memoryscapes in Post-Yugoslav Countries: Social (Re)construction of Places of Memory. Contemporary Southeastern Europe, 8: 370–375. doi: 10.25364/02.8:2021.2.2 [Electronic resource]. URL: <https://contemporarysee.org/changing-memoryscapes-in-post-yugoslav-countries-social-reconstruction-of-places-of-memory>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 01.09.2025

Received: 01.09.2025

Поступила после рецензирования: 10.10.2025

Revised: 10.10.2025

Принята к публикации: 30.11.2025

Accepted: 30.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябинин Евгений Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г. Мариуполь, Россия

[ORCID: 0000-0002-3027-0680](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeny V. Ryabinin, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor at the Department of History and Political Science, A.I. Kuindzhi Mariupol State University, Mariupol, Russia